

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Глава 1

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Бобби Джонс поставил свой мяч на колышек, для начала сделал короткий замах, после чего неторопливо отвел клюшку назад, а потом молниеносным движением нанес удар в направлении вниз и вперед. Полагаете, мяч направился прямо и точно, сначала взмыв и перелетев песчаный участок, а потом приземлившись на расстоянии легкого удара клюшки от полянки у четырнадцатой лунки?

Ничего подобного. Плохо поданный мяч проскакал по земле и уверенно уселся прямо в песке!

Однако взволнованной толпе зрителей не пришлось разочарованно вздохнуть... Хотя бы потому, что ее не было. Единственный же свидетель удара удивления не проявил. И это нетрудно объяснить — поскольку действие сие производил отнюдь не рожденный в Америке мастер гольфа, но всего лишь четвертый сын викария Марчболта — небольшого приморского городка, расположенного на побережье Уэльса.

Бобби позволил себе восклицание — решительно нечестивое.

Этому добродушному с виду молодому человеку было лет двадцать восемь. Даже лучший друг не смог бы назвать его красавцем, тем не менее лицо его в высшей степени располагало к своему обладателю, а в карих глазах усматривалось искреннее, чуть ли не собачье дружелюбие.

— С каждым днем я играю все хуже и хуже, — уныло пробормотал он.

— Ты бьешь слишком сильно, — заметил его партнер.

Доктор Томас, седой и наделенный приветливой красной физиономией мужчина, никогда не замахивался от души, предпочитая короткие прямые мячи, и обыкновенно побеждал более блестящих, но нестабильных игроков.

Бобби яростно атаковал свой мяч. Третий удар оказался успешным. Мяч его лежал совсем рядом с полянкой, которой доктор достиг посредством двух сильных и точных ударов.

— Лунка ваша, — признал Бобби.

Они перешли к следующей стартовой точке.

Доктор бил первым — однако отличному прямому удару не хватило силы, мяч пролетел недалеко.

Вздохнув, Бобби поставил свой мяч, переставил его, после чего долгое время, прицеливаясь, помахи-вал клюшкой, наконец напряг спину, зажмурил

глаза, приподнял голову, опустил правое плечо — то есть проделал все то, что в подобных ситуациях делать категорически не рекомендуется, — и отправил великолепный мяч прямо на середину поля.

Он глубоко и с удовлетворением вздохнул. Общеизвестное особого рода мрачное выражение, свойственное лицам гольфистов, покинуло его красноречивую физиономию, уступив место столь же широко известному чисто гольфистскому торжеству.

— Наконец-то я понял, как надо, — заявил Бобби, противореча истине.

Идеальный удар, небольшая поправка другой клюшкой, и Бобби положил мяч в лунку. На удар меньше, чем предполагалось, — и преимущество доктора Томаса сократилось до одного очка.

Преисполнившись уверенности, Бобби перешел к шестнадцатой стартовой точке.

Он опять проделал все, чего не следует делать, но на сей раз чуда не произошло. А вышла жуткая в своей великолепии, почти сверхчеловеческая срезка! Мяч отлетел в сторону под прямым углом.

— Если бы удар удался... Ффух! — прокомментировал доктор Томас.

— Черт, — с горечью произнес Бобби. — Эй, а я, кажется, слышал чей-то крик! Будем надеяться, что мяч ни в кого не попал.

Он посмотрел направо. Солнце слепило глаза. Оно опустилось почти к самому горизонту, в сущно-

сти не позволяя ничего разглядеть. Кроме того, над морем поднимался легкий туман. Гольфисты находились в нескольких сотнях ярдов от края обрыва.

— Там есть тропа, — проговорил Бобби. — Потом, мяч просто не мог улететь так далеко. Тем не менее я как будто слышал крик. А вы?

Но доктор не слышал ничего.

Бобби отправился разыскивать свой мяч. Найти его он сумел не сразу, но в итоге все же сумел. Впрочем, доиграть этот мяч было практически невозможно, поскольку он застрял в зарослях дрока. Бобби попробовал пару ударов, но потом подобрал его и крикнул партнеру, что сдает лунку.

Доктор подошел к нему, так как следующая стартовая точка располагалась почти на краю утеса.

Семнадцатая лунка была бичом Бобби. Здесь мяч надлежало перекинуть над глубокой расщелиной. Расстояние на самом деле было не слишком большим, однако молодого человека угнетал вид на открывавшуюся внизу пропасть.

Они пересекли уводившую от берега тропу, проходившую теперь слева, почти у самого края обрыва.

Взяв клюшку, доктор благополучно переправил мяч на ту сторону расщелины.

Глубоко вздохнув, Бобби нанес свой удар. Недалеко пролетев, мяч нырнул за край обрыва.

— И каждый собачий раз, — с горечью произнес Бобби, — я совершаю одну и ту же собачью ошибку.

Он обошел расщелину, посмотрев вниз. Внизу сверкала морская волна, однако далеко не каждый не долетевший мяч погибал в пучине. Верхняя часть стенок расщелины казалась отвесной, однако ближе к подножию они постепенно обретали заметный уклон.

Бобби осторожно продвигался вперед. Как ему было известно, на краю обрыва имелось одно местечко, где можно было без особых трудов спуститься вниз. Им пользовались кэдди¹, прыгивавшие вниз и победоносно, пусть несколько запыхавшись, возвращавшиеся с мячом в руках.

Внезапно замерев на месте, Бобби обратился к партнеру:

— Вот что, доктор, подойдите сюда. Что это... как вам кажется?

Внизу, примерно в сорока футах от края обрыва, обнаружилась темная груда, как будто старой одежды.

Доктор затаил дыхание.

— Ей-богу, — произнес он, — похоже, кто-то свалился вниз. Надо к нему спуститься.

Следуя рядом, оба спустились с обрыва, более крепкий Бобби помогал своему партнеру. Наконец они добрались до зловещей темной груды. Ею ока-

¹ Кэдди — те, кто подносит снаряжение при игре в гольф.

зался мужчина лет сорока, еще дышавший, но находившийся в беспомощности.

Доктор обследовал его, потрогал конечности, пощупал пульс, опустил веки. Став на колени рядом с несчастным, он завершил обследование. А потом посмотрел на стоявшего рядом Бобби, которому было заметно не по себе, и медленно покачал головой.

— Ничего сделать уже нельзя, — подытожил он. — Время его на исходе. Бедолага сломал позвоночник. Так-так. Полагаю, он не знал пути и, попав в туман, сорвался с обрыва. Сколько уже раз я говорил местному совету, что здесь надо поставить ограждение.

Он встал:

— Пойду схожу за помощью, договорюсь о том, чтобы тело подняли наверх. Не то стемнеет прежде, чем узнают, где мы. Ты останешься здесь?

Бобби кивнул.

— Так, значит, ему уже нечем помочь? — спросил он.

Доктор качнул головой:

— Нечем. Но долго он не протянет — пульс быстро слабеет. Продержится еще минут двадцать. Возможно, придет в сознание перед самым концом, но, скорее всего, этого не случится. Все же...

— Тем не менее, — поторопился сказать Бобби, — я останусь. А вы идите. Вот если он придет

в себя, какое-нибудь лекарство ему не поможет ли?.. — Он умолк.

Доктор покачал головой.

— Больно ему не будет, — проговорил он. — Никакой боли этот человек не почувствует. — И, повернувшись, начал взбираться по тропе наверх.

Бобби провожал врача взглядом до тех пор, пока тот не исчез за краем обрыва, предварительно помахав молодому человеку рукой.

Сделав шаг-другой вдоль узкого карниза, Бобби уселся на выступ скалы и раскурил сигарету. Происшествие потрясло его. До сих пор ему не приводилось лично сталкиваться ни с тяжелой болезнью, ни со смертью.

Как несправедлив этот мир! Клуб тумана, поднявшийся снизу в такой чудный вечер, один неудачный шаг — и жизнь кончена. Притом такой здоровый с виду человек — наверное, ни дня в жизни ничем не болел. Смертная бледность, постепенно проступавшая на щеках несчастного, не могла спрятать глубокий загар. Загар человека, обитавшего под открытым небом, возможно, за границей. Бобби попытался по-внимательнее рассмотреть умирающего — жесткие завитки каштановых волос, слегка тронутых на висках сединой, крупный нос, сильная челюсть, зубы, белевшие между чуть раздвинутыми губами. И еще широкие плечи. И тонкие, но жилистые ладони. Ноги лежали под неестественным углом к телу.

Поежившись, Бобби снова обратил свой взгляд к лицу незнакомца. Привлекательное лицо — веселое, решительное, смекалистое. Глаза, решил он, наверное, окажутся голубыми. И едва он дошел до этого места в своих размышлениях, глаза внезапно открылись.

Они действительно оказались голубыми — чистыми и яркими. И смотрели прямо на Бобби. В них не было ничего мутного и неопределенного. Взгляд этот принадлежал абсолютно осознающему себя человеку. Он был полон внимания и одновременно как бы вопроса.

Бобби торопливо поднялся и подошел к неизвестному. Но прежде чем молодой человек оказался с ним рядом, лежащий заговорил. Причем не слабым голосом, а звонким и чистым.

— Почему не Эванс? — спросил он.

А затем тело его странным образом содрогнулось, глаза закрылись, челюсть свисла.

Он умер.

Глава 2

КОЕ-ЧТО ОБ ОТЦАХ

Бобби наклонился к нему, но места для сомнений не оставалось. Человек этот был мертв. Пришел в последний миг в сознание, задал неожиданный вопрос, а потом умер.

С легким смущением Бобби запустил руку в карман мертвеца, достал из него шелковый платок и почтительно прикрыл им мертвое лицо. Ничего большего для покойника он сделать не мог.

И тут же заметил, что при этом выронил из кармана кое-что еще — фотоснимок, и, возвращая его на место, увидел запечатленное на нем лицо, странным образом немедленно врезавшееся в его память. Красивое лицо с широко посаженными глазами. Лицо женщины уже не юной, но еще не тридцатилетней, причем красота этой особы обладала какой-то властностью, которая — а не сама по себе красота — приковала к себе воображение молодого человека. «Такую сложно забыть», — подумал он.

Аккуратно и почтительно он вернул фотографию на прежнее место и уселся ждать возвращения доктора.

Время тянулось очень медленно — так, во всяком случае, казалось ему. Кроме того, он вдруг вспомнил о том, что обещал отцу играть на органе во время вечерней службы, начинавшейся в шесть часов, а теперь до шести оставалось десять минут. Естественно, потом отец поймет обстоятельства, но тем не менее следовало послать ему весточку с доктором. Преподобный Томас Джонс обладал чрезвычайно нервическим темпераментом. По складу своему он был излишне склонен раздражаться из-за пустяков, и, когда начинал волноваться, пищеваритель-

ный аппарат его приходил в крайнее возмущение, заставляя своего обладателя претерпевать мучительную боль. Бобби, считавший своего отца ничтожным и жалким старым ослом, все же чрезвычайно любил его.

Преподобный Томас, со своей стороны, считавший своего четвертого сына удивительно ничтожным и жалким юным ослом, все еще пытался произвести благотельное воздействие на молодого человека.

«Бедный папашка, — размышлял Бобби, — должно быть, уже закипает, не зная, начинать ему службу или нет. И заведет себя до такой степени, что у него снова начнет болеть желудок, а потом не сумеет поужинать. Ему не хватит ума понять, что я не стал бы подводить отца, если бы такой ситуации можно было избежать... Впрочем, какая разница? Подобная мысль даже не придет ему в голову. Когда человек переваливает за пятьдесят, он теряет всякие остатки разума, начинает терзать себя из-за пустяков, которым цена полтора пенни. Наверное, стариков просто неправильно воспитывали, и теперь они не могут вести себя иначе. Бедный старый папочка, ума-то у него как у цыпленка!»

И он продолжил размышления, соединяя привязанность к отцу с негодованием на него.

Вся проведенная дома жизнь представлялась ему одной долгой жертвой, принесенной сомнительным идеям родителя. Мистер Джонс, со своей стороны,

воспринимал этот отрезок времени как длительное жертвоприношение, не понятое и не оцененное младшим поколением. Насколько же может различаться восприятие одного и того же даже близкими людьми!

Но куда запропастился этот доктор? Ему уже давно пора вернуться!

Бобби поднялся на ноги и недовольно притопнул. И в этот самый момент услышал какой-то шорох и посмотрел вверх, полагая, что пришла помощь и бдение его закончено. Но это был не доктор, а незнакомый ему мужчина в широких брюках-гольф.

— Послушайте, — молвил приятным тенорком неизвестный, — в чем, собственно, дело? Случилось несчастье? Могу ли я чем-то помочь? — Бобби не очень четко видел его, потому что уже быстро смеркалось.

Он объяснил ситуацию, а незнакомец выразил подобающее сожаление.

— Значит, я ничем не могу помочь? — спросил он. — Может, сходить за помощью или сделать что-то еще? — Бобби пояснил, что за помощью уже послали, и спросил, не видит ли его собеседник кого-нибудь наверху.

— Пока никого.

— Понимаете ли, — продолжил Бобби, — у меня на шесть назначена встреча...

— И вы не хотите отсюда уходить...